

Художественно-философский концепт «Тоска» в поэзии Ф. Сологуба

Е. В. Сергеева, П. Н. Спиричева

Artistic and philosophical concept “Toska” in F. Sologub's poetry

E. V. Sergeeva, P. N. Spiricheva

Елена Владимировна Сергеева – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: e.vlad.sergeeva@gmail.com

Полина Николаевна Спиричева – магистрант кафедры русского языка; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: sklnrnw1@mail.ru

Статья поступила: 18.02.2025. Принята к печати: 25.03.2025.

Работа посвящена рассмотрению специфики воплощения концепта «Тоска» в творчестве Ф. Сологуба. В современной науке не снижается интерес к творчеству «старших» символистов, в том числе Ф. Сологуба. Концептосфера этого автора заслуживает особого внимания. В статье представлены особенности вербализации концепта «Тоска» в поэзии Ф. Сологуба в сравнении с концептом-универсалией, экспликатеры которого выявлены на основе толковых, ассоциативных, диалектных, этимологических словарей. В работе применена комплексная методика, основанная на описательном методе, включающем более частные методы и приемы. Исследование позволяет определить концепт «Тоска» в поэтическом творчестве Ф. Сологуба как специфический вид концепта – художественно-философский, под которым понимается *эстетизированная вербализованная лингвоментальная сущность, эксплицирующая философское содержание*. Поэтический текст наглядно демонстрирует различие между концептом в языковой картине мира и одноименным концептом в художественной картине мира. В сопоставлении с концептом-универсалией художественно-философский концепт употребляется в большем количестве контекстов, имеет большее число ядерных и периферийных экспликантов. Соотношение ядра и периферии рассматриваемого лингвоментального феномена во многом условно. Репрезентанты художественно-философского концепта объединяются в тематические, ассоциативные, лексико-грамматические поля, не свойственные концепту-универсалии. Происходит трансформация лексических значений, в различных значениях наводятся окказиональные семы. Число вербализаторов концепта увеличивается, он обладает более широким ассоциативным и образным слоями, соотносимыми с эстетической информацией; к ним

Elena V. Sergeeva – Dr. Sci. in Philology, Professor of Russian Language Department; Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8866-4829

Polina N. Spiricheva – master’s student of Russian Language Department; Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0009-0007-7320-5014

Received: 18.02.2025. Accepted for publication: 25.03.2025.

The paper examines the distinctive embodiment of the concept of “Toska” in the poetry of F. Sologub. Contemporary scholarship maintains a steady interest in the works of the “senior” Russian symbolists, including F. Sologub, whose conceptual framework merits particular attention. This study explores how the concept of “Toska” is verbalized in F. Sologub’s poetry, contrasting it with the universal concept as defined by explanatory, associative, dialectal, and etymological dictionaries. A comprehensive methodology is employed, grounded in the descriptive method and supplemented by more specific techniques. The research defines “Toska” in F. Sologub’s poetic works as a unique artistic and philosophical concept – an aestheticized, verbalized linguo-mental entity that conveys profound philosophical meaning. The poetic text reveals a clear distinction between the linguistic conceptualization of “Toska” and its manifestation within the artistic worldview. Compared to the universal concept, F. Sologub’s artistic and philosophical “Toska” appears in a broader range of contexts and is represented by a greater variety of core and peripheral explicators. The relationship between the core and periphery of this linguo-mental phenomenon is notably fluid. The artistic-philosophical concept forms thematic, associative, and lexical-grammatical fields that are absent from the universal concept. Lexical meanings are transformed, and occasional semes emerge in various contexts. The number of verbalizers increases, enriching the concept with broader associative and figurative layers that reflect aesthetic information, including ancient, Orthodox, and pagan cultural strata. The analysis demonstrates that the artistic and philosophical concept of “Toska” occupies a central place in F. Sologub’s conceptual universe.

относятся античный, православный и языческий культурные пласты. Проведенный анализ демонстрирует, что художественно-философский концепт «Тоска» весьма значим для концептосферы поэта Ф. Сологуба.

Ключевые слова: концепт-универсалия, художественно-философский концепт, концептуальный анализ, Ф. Сологуб

УДК 821.161.1:81`42

Keywords: *universal concept, artistic and philosophical concept, conceptual analysis, F. Sologub.*

OECD: 6.02QD+6.02OY

V

Постановка проблемы. Лингвоэстетический анализ, основы которого во многом были заложены Е. Г. Ковалевской [Ковалевская, 1979; Ковалевская, 1981; Ковалевская, 1983; Ковалевская, 1986] уже более полувека включает в сферу своих интересов поэзию Серебряного века, в том числе творчество русских символистов. В современной науке также не угасает интерес к творчеству «старших» символистов, Ф. Сологуба – в частности. Концептосфера этого автора может стать значимым объектом исследовательского внимания.

Концепт «Тоска» можно назвать одним из базисных для русской культуры. А. Вежбицкая называла его одним из ключевых для отечественной языковой картины мира наряду с концептами «Свобода» и «Воля» [Вежбицкая, 1999]. Концепт «Тоска» в творчестве Ф. Сологуба еще не нашел должного осмысления в научных работах. Данная статья может восполнить эту исследовательскую лауну. Теоретическая новизна исследования состоит в фиксации относительно новой для теоретического осмысления разновидности концепта – художественно-философского.

История вопроса. В современной лингвистике выделяется несколько подходов к изучению концептов, среди которых логическое, лингвокультурологическое, когнитивное, когнитивно-дискурсивное (семантико-когнитивное) [Дзюба, 2018], лингвопсихологическое [Пищальникова, 2010]. Среди наиболее известных исследователей следует упомянуть имена С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, В. В. Красных, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, Н. С. Болотновой, В. А. Пищальниковой, Ю. С. Степанова.

Среди современных направлений изучения концептов наиболее актуальным для настоящего исследования представляется собственно лингвистическое направление (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик) на стыке с лингвокультурологическим. В рамках этого направления концепт понимается как «основная единица сознания, которая организована по полевому принципу и включает в структуру чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле» [Пищальникова, 2010, с. 173]. Интерпретация подобного понимания авторами статьи связана с утверждением необходимости включения в дефиницию термина указания на процесс семиозиса, на вербализацию названной единицы сознания, обязательности наличия имени поля (концепта). В предлагаемом подходе подразумевается акцент на лингвистическом материале с учетом двунаправленной связи с культурой и языком. **Концепт** является базовым термином лингвоконцептологии (концептуальной лингвистики), его следует рассматривать как «некое ментальное образование, присутствующее в языковом (коллективном или индивидуальном) сознании, прошедшее процесс означивания, осознаваемое языковой личностью как

инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и вербализованное лексическими единицами данного языка» [Сергеева, 2006, с. 63].

Предполагается, что концепт, воплощающий языковую картину мира (коммуникативный концепт, концепт-универсалия), должен восприниматься как явление несколько иного порядка, чем концепт художественный. Художественный концепт – лингвоментальный конструкт, который воплощает эстетическое осмысление ментальных сущностей, выражающееся в специфических способах вербализации на основе индивидуальной системы ассоциаций.

Важное место в лингвокогнитологии занимает изучение художественных концептов. Их особое положение обусловлено, во-первых, тем, что «художественные концепты обладают высокой степенью индивидуальности и свидетельствуют об уникальности системы представлений автора художественного текста о мире»; во-вторых, «художественные концепты чаще всего представлены образной формой, которая обладает не меньшей значимостью, чем ее содержание, т. е. эстетически самоценна» [Дзюба, 2018]. Описанный подход к изучению концептов актуализируется в работе при исследовании художественного концепта в лирике Ф. Сологуба.

При изучении художественного текста лингвоконцептуальный анализ как специфический тип анализа текста и разновидность лингвоэстетического анализа особенно значим. При подобном анализе целью становится выявление особенностей воплощения *художественного* концепта в тексте как проявление специфики *художественной* картины мира автора текста. Исследование концепта, существующего в пределах картины мира творческой языковой личности, особенно интересно, поскольку рассмотрение системы взаимосвязанных концептов дает возможность моделирования мировидения этой языковой личности в целом, а выделение одного или нескольких ключевых концептов позволяет проанализировать смысловую и образную доминанту текста.

Однако следует подчеркнуть, что картина мира художника слова может вербализоваться не только с помощью художественного концепта. Так, чрезвычайно значим для поэтического творчества Ф. И. Тютчева концепт «Славянство», который может быть охарактеризован содержательно и формально как идеологический (возможно, также риторический), но не собственно художественный, поскольку он не включает в свою структуру эстетического значения. Анализ этого концепта позволяет прийти к выводу, что художественный, поэтический текст может строиться на нехудожественном концепте.

Методология и методика исследования. В исследовании применена комплексная методика, основанная на описательном методе, включающем более частные методы и приемы. В соответствии с целью и задачами работы были применены методы концептуального, контекстологического и семантико-стилистического анализа.

Анализ материала. I. В толковых словарях лексема *тоска* представлена разным количеством семем: от двух до семи. Наиболее полной представляется словарная статья в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой: «1. Тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога. <...> || Разг. Гнетущая, томительная скука. <...> 2. Скука, уныние, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием

дела, интереса к окружающему. <...> 3. О том, что вызывает у кого-л. состояние душевного томления, сильной скуки, уныния» [Евгеньева, 1999].

Являясь эмоциональным понятием, слово приобретает сложную многозначную структуру. «Концепт Тоска – это сгусток эмотивных смыслов. При актуализации одного или нескольких из них в ситуации коммуникации, все остальные смыслы данного концепта активизируются на уровне языкового сознания» [Карасик, Стернин, 2005, с. 278]. Концепт «Тоска» в силу национальной специфики своего содержания обладает большим количеством культурных смыслов.

На основе лексикографических изданий (толковых, этимологических, ассоциативных и диалектных словарей), а также ранее проведенных исследований [Карасик, Стернин, 2005] была сформирована полевая структура **концепта-универсалии** в языковой картине мира. Ядро концепта, согласно исследованиям И. А. Стернина, составляет базовый слой и совокупность когнитивных слоев; периферия – интерпретационная часть, которую образует «совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [Стернин, 2001, с. 61].

В **ядро** концепта-универсалии входят экспликанты *тревога, чувство, скука, уныние, томление, грусть*. В основном все они входят в отношения синонимии (*тревога, скука, уныние, томление, грусть*). Вербализатор *чувство* является гиперонимом по отношению к лексеме *тоска*.

В **ближнюю периферию** входят вербализаторы *гнет, горе, печаль, стеснение духа, беспокойство, давление, натиск, тоска по родине, сожаление об утраченном, стремление к чему-либо не происходящему*. Почти все экспликанты являются согипонимами по отношению к гиперониму *чувство* (*горе, печаль, скука, уныние, беспокойство, тоска по родине, сожаление об утраченном, стремление к чему-либо не происходящему*), некоторые из них входят в лексико-сематическую группу существительных, обозначающих межличностные отношения (*гнет, давление, натиск*). Следует упомянуть, что, согласно исследованиям Е. А. Пименова, формой экспликации концепта, помимо собственно лексем, могут быть различные фразеологические образования (идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы) [Пименов, 2004, с. 90], так что включение вербализаторов *сожаление об утраченном, стремление к чему-либо не происходящему*, представляющих собой словосочетание, оправданно. Выделенные экспликанты составляют языковую модель концепта.

К **дальней периферии** относятся экспликанты *боязнь, нойка сердца, скорбь, боль, нытье, беспокойство, мытье, обряд, мучение, боль, трудная работа, забота, жалость, вздох, слезы, сердце, душа, тоска по любимым, близким людям*. Большинство из них выделено по материалам диалектных и этимологических словарей, а также по «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля (*нойка сердца*). Специфические для ряда вербализаторы *мытье, обряд, трудная работа* выделены на материале «Словаря русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова [Филин, 1965]. Их возникновение в этом контексте можно объяснить с помощью существующего в старину славянского обряда прощания с мертвыми: «В похоронном обряде – обычай мытья в бане

родственников умершего (после поминок), чтобы смыть скоробь по нему. По окончании поминок в доме покойника в день похорон все члены семейства его моются в бане и потом окупаются водою, в которую знахарка всыпает с известными нашептываниями принесенную с могилы покойника землю – для того, чтобы смыть тоску, унять тоску» [Подвысоцкий, 1885].

Однако в поэзии Ф. Сологуба концепт Тоска эксплицируется несколько иначе, чем в языке.

II. **Федор Сологуб** (1863–1927) – один из виднейших представителей старшего поколения русских символистов, писатель и переводчик. Один из первых писателей, привнесших в русскую литературу декадентскую поэтику, неоднозначную, страшную, эпатажную, отмеченную настроениями упадочничества, безнадежности, отвращения к жизни и индивидуализмом [Сурков, 1964], скрывающим за собой эксцентричную фигуру поэта.

Истоки декадентского мировосприятия Ф. Сологуба и поэтов-декадентов вообще – «в растерянности художников перед резкими антагонизмами социальной действительности, перед техническим прогрессом, перед революцией, в которой они видели лишь разрушительную силу истории» [Сурков, 1964]. В лирике Ф. Сологуба такое мироощущение реализуется при константном соприсутствии и даже господстве хаоса: «...они видели, как назревают элементы какой-то титанической борьбы, и, колеблясь между надеждой и недоверием, они, бессильные, сами не способные на борьбу, испытывали какой-то внутренний ужас <...>; ужас к той грубой господствующей силе <...>, которая готовила своим слепым упорством какую-то страшную катастрофу; <...>; ужас, наконец, ко всей жизни, где все так неведомо и дико, где разум меркнет перед разгулом темных страстей, где царит произвол бессмысленного случая» [Воровский, 1956, с. 162]. Эту страшную *массу* символисты осмыслили по-разному: А. Блок, например, угадывал ее в образе Стихии, а Ф. Сологуб – в образе Зла как философской категории. Практически каждое стихотворение Ф. Сологуба – свидетельство одиночества, поисков смысла жизни, грусти и тоски, зародившихся еще на ранних этапах творческой и житейской биографии, сохраняющихся на протяжении всего творчества.

Беря за основу своего творчества эпатажные постулаты декадентства, Ф. Сологуб создает и особый язык поэзии. Он и легкий, и тяжеловесен одновременно, в нем чувствуется выверенность и точность, чеканность формулировок, неизменно носящих в себе «пафос сурового величия и строгости» [Белый, 1994]. Иногда творческое самовыражение Ф. Сологуба представляет собой непозволительный, казалось бы, прием повтора одних и тех же слов, но со сложной контаминацией смыслов и подтекстов. Д. Философов сравнивает лирику Ф. Сологуба с матовой серостью жемчужины, что покоится в труднодоступной речной раковине: «в нем нет никакой пленительности, никакой красоты. Он весь убог. Одежда его так скромна и проста, что его даже трудно заметить. Мы жаждем золотой поэзии, алмазных брызг, цветных тканей – а Сологуб простой ненарядной речью говорит о скучных и как будто самых простых вещах» [Философов, 1904]. Это, с одной стороны, нелестное свидетельство Д. Философова о рецепции творчества Ф. Сологуба, развивается затем, впрочем, в другую, уже положительную, оценку: но тот, кто не гонится за блеском

пышных одежд, не боится ужаса одинокой души, тот не может не полюбить этого самобытного и страшного поэта [Философов, 1904].

Ф. Сологуб – один из виднейших представителей «старших» символистов, с особым пониманием мира как хаотического и враждебного. Особенности творческой манеры поэта выявляются на всех уровнях анализа художественного текста, в том числе и концептуальном.

III. Обобщая современные принципы исследования концепта, можно выделить несколько обязательных критериев для выделения вербализаторов концепта: 1) слово-имя концепта должно быть частотным; 2) слово-имя концепта должно содержать активную производящую основу; 3) слова-репрезентанты концепта должны активно входить в состав устойчивых идиоматических конструкций; 4) «переживаемость» концептов; 5) «номинативная плотность» (З. Д. Попова, И. А. Стернин); 6) «непредельность»; 7) «мировоззренческая ориентированность»; 8) «лингвокультурная отмеченность»; 9) коммуникативная релевантность; 10) «языковая абстрактность» (концепт обобщает значения своих лексических репрезентантов); 11) наличие «этимологической памяти» [Зиновьева, Юрков, 2006, с. 149]. В исследовании вербализаторы концепта «Тоска» выделены и проанализированы на основании перечисленных критериев. Наиболее важными критериями для выделения репрезентантов, вслед за Е. В. Дзюбой, представляются частотность, семантическая наполненность, «непредельность», коммуникативная релевантность [Дзюба, 2018].

Концепт «Тоска» – один из центральных концептов в русской поэзии (в особенности – символистской) и чрезвычайно важный лингвоментальный конструкт в поэзии Ф. Сологуба. Следует подчеркнуть, что концепт «Тоска» в исследовании определяется как *художественно-философский – эстетизированная вербализованная лингвоментальная сущность, эксплицирующая философское содержание*.

При выделении вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным в структуре концепта, помимо ядра и периферии, информационного, образного и интерпретационного слоя, скорее всего, можно с достаточной уверенностью утверждать, что интерпретационной и отчасти информационный слой художественно-философского концепта соотносятся с философским содержанием, а слой образный обладает значимостью не меньшей, чем в художественном концепте. Например, можно с большой степенью вероятности предположить, что концепт «Прекрасная Дама» в поэзии А. А. Блока, частично включающий в качестве смыслового элемента содержание концепта «Вечная Женственность» в творчестве В. С. Соловьева, также может быть рассмотрен как художественно-философский.

Для обоснования положения о том, что концепт «Тоска» в поэзии Ф. Сологуба, помимо художественного содержания, воплощает еще и **философское**, характерное именно для философского взгляда на реальность и сходное с содержанием концепта в трудах философов, следует, вероятно, обратиться к трудам А. Шопенгауэра, для которых характерно воззрение на человеческую жизнь как колебание между страданием и скукой [Шопенгауэр, 1881], с чем, очевидно, Ф. Сологуб был знаком и солидарен, и к философии М. Хайдеггера с его интерпретацией скуки как фундаментального настроения [Хайдеггер, 2013б].

По философии А. Шопенгауэра, как и в творчестве Ф. Сологуба, человек, испытывая тоску (*Langweile*), осознает истину о самом себе и мире. «Опыт скуки представляет собой одновременно экспликацию особого опыта переживания времени, недоступного в опыте удовольствия или страдания». А испытывая удовольствие, «человек не приобретает ничего, кроме ощущения отсутствующего страдания и надвигающейся пустоты, в этом моменте опустошенного “сейчас” он уже в шаге от скуки» [Корниенко, 2019, с. 148]. Сходные стремления в тщетной попытке преодолеть тоску, томление, скуку видим в поэзии Ф. Сологуба: «Снова сердце жаждет воли / Ненавидеть и любить, / Изнывать от горькой боли, / Преходящей жизнью жить, / Созидать себе обманы, -- / Ряд земных туманных снов, / Незалеченные раны / Прятать в россыпи цветов, -- / И томясь тоской щемящей / И желаньями полно, / Смерти, тайно предстоящей, / Устрашается оно».

В философии М. Хайдеггера, в его труде «Основные понятия метафизики» скука предстает как некое фундаментальное настроение (*Grundstimmung*), которое призвано пробудить изначальную потребность в самоощущении, присутствии в мире, в терминологии философа – в «бытии-здесь» (*Dasein*) для самого себя. Им выделяются даже типы скуки: «поскучнение от чего-либо» (*das Gelangweilt-werden von etwas*), «скучание при чем-либо» (*das Sichlangweilen bei etwas*) и глубинная скука (*tiefe Langeweile*) [Хайдеггер, 2013а]. Ф. Сологуб, хотя и не был знаком с философией М. Хайдеггера, все же выражал схожие с постулируемым М. Хайдеггером настроения в поэзии: «Мир чудный видя впереди, / Но, непонятные народу, / Зовем напрасно мы свободу / С немым отчаяньем в груди, / А к этой жизни безучастны. / Не страшно рано умирать, / Не страшно и в цепях страдать, -- / Жить преждевременно ужасно».

В более известном труде «Бытие и время» М. Хайдеггер рассуждает уже о других фундаментальных человеческих состояниях (*Grundstimmung*) – ужасе (*Angst*) и страхе (*Furcht*). «Если страх – это всегда боязнь чего-то определенного, настроение, присущее измерению неподлинности, в котором собственная конечность и ничтожность воспринимаются только в контексте смерти другого, то ужас никогда не возникает как боязнь какого-то определенного сущего, это всегда “тревога”, которая возникает перед лицом Ничто (Ничто как ничто из сущего, но “мир в его мирности”), перед лицом своей собственной конечности и временности» [Хайдеггер, 2013б]. О состоянии страха перед конкретными явлениями действительности с желанием его (страха) преодоления читаем у Ф. Сологуба: «Ненавистные препоны, / Нестерпимый страх и стыд, / Неуслышанные стоны / Неотплаченных обид, / О, куда от них мне скрыться! / Как мне быть, и как мне жить! / Как мне с жизнью помириться! / Как мне смерти не любить!». О состоянии ужаса перед предельностью бытия, используя оксюморон, поэт пишет: «Для сердца жаркого ужасно это счастье, / Когда ликующий и пьяный шум пиров / Шлет только дикий смех тупого безучастья / На стон и жалобы страдающих рабов».

На основе анализа языковых средств формируется представление о содержании и структуре концепта в концептосфере писателя, то есть «упорядоченной совокупности концептов в сознании человека или народа» по Д. С. Лихачеву [Лихачев, 1997, с. 151], исследуется ее содержание и соотношение в ней концептов. Концепт структурно и

содержательно специфичен с национальной, социальной, групповой и индивидуальной точек зрения [Пищальникова, 2010, с. 173].

На основании частоты и значимости для концептосферы выделяется **ядро** художественно-философского концепта «Тоска»: *страх, грусть, зло, робость, унылость, мгла, забвенье, скука, томленье, усталость, истома, тишина, пустота, бремя, сон, тревога, беда, одиночество, плач, ночь, луна, тщета, тьма, преграда, мрак*. В ядро входят значимые для концептосферы автора слова, неоднократно встречающиеся в одном контексте с именем концепта, имеющие ассоциативную связь с ним, иногда обладающие семной связью (*тоска, робость, скука, томление*). Неразграничение на ближнюю и дальнюю периферию носит принципиальный характер ввиду того, что исследуемый концепт – абстрактное понятие, обозначающее человеческое чувство. Так, в одном из поздних стихотворений при актуализации темы тоски непрерывно эксплицируется большое количество репрезентантов, тесно связанных между собой в концептосфере поэта: «Все почивающее свято, / В смятении жизни -- зло и грех. / Томила жизнь меня когда-то / Надеждой лживою утеш. / Ее соблазны были многи, / И утомленья без числа. <...> / Но близость кроткой смерти чужа, / Уснули гордые мечты. / Я жду смиренно, не тоскуя, / Благой и вещей темноты...» (далее цитируется по этому изданию [Сологуб, 2012]).

Другие репрезентанты входят в **периферию** художественно-философского концепта «Тоска»: *тишина, гром, мудрость, боль, тень, удел, обман, вода, забытьё, Господь, холод, сновиденье, сказка, храм, холод, Бог, звук, стих, мука, боль, стыд, плен, молчание, нужда, нищета, утрата, нелепость* и др. Список экспликантов, вероятнее всего, не может быть приведен точно и исчерпывающе. В периферию поля концепта входят единично встречающиеся в одном контексте с именем концепта ассоциаты, менее значимые для концептосферы вербализаторы. В некоторых случаях встречаются стилистически и хронологические маркированные репрезентанты, в основном устаревшие (*тщета*) или с устаревшим написанием (*томленье, сновиденье*): «Чьим же творящим хотеньем / Неразделимо слита / С неутомимым стремленьем / Мира тщета?». Частый прием в лирике Сологуба – оксюморон, который объединяет вербализаторы, входящие в отношения противопоставленности: «Но все проходит, гаснут страсти, / Скучна веселость наконец; / Седин серебряный венец / Носить иль снять не в нашей власти». Показательна встречаемость экспликантов концепта в сакральном контексте с негативным для лирического героя подтекстом: «И я учился в школе / В стенах монастыря, / От мудрости и боли / Томительно горя».

Результаты исследования. При обращении к лирике Ф. Сологуба можно с уверенностью сказать, насколько явно поэтический материал иллюстрирует различие между концептом в языковой картине мира и одноименным концептом в художественной картине мира. В сопоставлении с концептом-универсалией художественно-философский концепт употребляется в большем количестве контекстов, имеет гораздо большее число ядерных и периферийных экспликантов. Основания отнесения концепта «Тоска» и некоторых вербализаторов (например, «Смерть») именно к художественно-философским можно найти в текстах философии А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера, а также других культурно-исторических источниках. Соотношение ядра и периферии концепта-универсалии устойчиво, в то время как

соотношение ядра и периферии рассматриваемого концепта условно и проницаемо. Экспликанты художественно-философского концепта объединяются в тематические, ассоциативные, лексико-грамматические поля, не свойственные концепту-универсалии. Вербализаторы получают нормативные и окказиональные контексты употребления, за счет чего происходит трансформация лексических значений, добавляются окказиональные семы в семемах лексических значений выразителей концепта. Кроме того, еще одно важное отличие – актуализация и интеграция разнородных культурных кодов в авторской репрезентации концепта, он обладает более широкими «ассоциативным и образным слоями, соотносимыми с эстетической информацией» [Сергеева, 2006, с. 64], к ним относятся античный, православный и языческий пласты.

Выводы. В статье была рассмотрена лексическая репрезентация художественно-философского концепта «Тоска» в лирике Ф. Сологуба в сопоставлении с вербализацией одноименного концепта-универсалии. Рассмотрение текстового материала позволяет определить концепт «Тоска» в поэтическом творчестве Ф. Сологуба как специфический вид концепта – художественно-философский.

Проведенное исследование показало, что художественно-философский концепт «Тоска» чрезвычайно важен для концептосферы поэта.

Литература

Белый, А. (1994). Луг зеленый. *Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. Т. 1* (с. 249–390). Москва: Искусство.

Вежбицкая, А. (1999). *Семантические универсалии и описание языков: перевод с английского*. Москва: Языки русской культуры.

Воровский, В. В. (1956). *Литературно-критические статьи*. Москва: Гослитиздат.

Дзюба, Е. В. (2018). *Когнитивная лингвистика: учебное пособие для вузов*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.

Евгеньева, А. П. (ред.). (1999). *Словарь русского языка: в 4 т.* Москва: Русский язык, Полиграфресурсы.

Зиновьева, Е. И., & Юрков, Е. Е. (2006). *Лингвокультурология*. Санкт-Петербург: Изд-во «Осипов».

Карасик, В. И., & Стернин, И. А. (ред.). (2007). *Антология концептов: в 2 т.* Волгоград: Парадигма.

Ковалевская, Е. Г. (1979). Слово о языке и речи. *Лингвистические основы аспекта школьной программы «Развитие речи»: сборник научных трудов* (с. 28–54). Ленинград: ЛГПИ.

Ковалевская, Е. Г. (1981). Анализ текста повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». *Язык русских писателей XVIII века: сборник статей* (с. 176–193). Ленинград: Наука.

Ковалевская, Е. Г. (1983). Возникновение эстетического значения у языковой единицы в тексте/текстах художественного произведения. *Реализация эстетических возможностей языковых единиц: межвузовский сборник научных трудов* (с. 70–87). Ленинград: ЛГПИ.

Ковалевская, Е. Г. (1986). Вопрос об узуальном и окказиональном в лингвистической литературе. *Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения: межвузовский сборник научных трудов* (с. 3–13). Ленинград: ЛГПИ.

Корниенко, А. Г. (2019). А. Шопенгауэр и М. Хайдеггер о феномене скуки: сравнительный анализ. *Манускрипт*, 12(10), 147–152.

Лихачев, Д. С. (1997). Концептосфера русского языка. *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста* (с. 280–287). Москва: Academia.

Пименов, Е. А. (2004). Исследование концепта Trauer «Печаль» посредством синонимического ряда. *Ethnohermeneutik und antropologie* (с. 89–94). Landau: Verlag Empirische Padagogik.

Пищальникова, В. А. (2010). Концепт. *Большая российская энциклопедия 2004–2007*, 15, 173–174.

Подвысоцкий, А. И. (1885). *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Санкт-Петербург: типография Императорской академии наук.

Сергеева, Е. В. (2006). Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификации. *Сибирский филологический журнал*, 1–2, 63–69.

References

Bely, A. (1994). The meadow is green. *Criticism. Aesthetics. The theory of symbolism: in 2 vols. Vol. 1* (pp. 249–390). (In Russian).

Dzyuba, E. V. (2018). *Cognitive linguistics*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russian).

Evgenieva, A. P. (Ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language: in 4 vol.* Moscow: Russkii yazyk Publ., Poligrafresursy Publ. (In Russian).

Filin, F. P. (Comp.). (1965). *Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vols. Vol. 1: A.* Moscow, Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Filosofov, D. V. (1904). Review of the book: Fyodor Sologub. Collected Poems. Books 3 and 4. 1897–1903. Moscow: Scorpion. *Novyi put'*, 2, 210–215.

Heidegger, M. (2013). *Being and Time* (Trans.). Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian).

Heidegger, M. (2013). *The fundamental concepts of metaphysics: world, finitude, solitude* (Trans.). St. Petersburg: Vladimir Dahl Publ. (In Russian).

Karasik, V. I., & Sternin, I. A. (Ed.). (2007). *Anthology of concepts: in 2 vols.* Volgograd: Paradigma Publ. (In Russian).

Kornienko, A. G. (2019). A. Schopenhauer and M. Heidegger on the phenomenon of boredom: comparative analysis. *Manuscript*, 12(10), 147–152. (In Russian).

Kovalevskaya, E. G. (1979). A word in language and speech. *Linguistic foundations of the aspect of the school curriculum "Speech development"* (pp. 28–54). Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute Publ. (In Russian).

Kovalevskaya, E. G. (1981). Text analysis of N. M. Karamzin's novella "Poor Lisa". *The language of Russian writers of the XVIII century* (pp. 176–193). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian).

Kovalevskaya, E. G. (1983). The emergence of the aesthetic meaning of a linguistic unit in the text / texts of a work of art. *Realization of aesthetic possibilities of language units* (pp. 70–87). Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute Publ. (In Russian).

Kovalevskaya, E. G. (1986). The question of the usual and the occasional in linguistic literature. *The usual and the occasional in the text of a work of art* (pp. 3–13). Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute Publ. (In Russian).

Likhachev, D. S. (1997). Russian Language Conceptosphere. *Russian literature: from the theory of literature to the structure of the text* (pp. 280–287). Moscow: Academia Publ. (In Russian).

Pimenov, E. A. (2004). A study of the concept of the Trauer "Sadness" through a synonym series. *Ethnohermeneutik und antropologie* (pp. 89–94). Landau: Verlag Empirische Padagogik. (In Russian).

Pischnalnikova, V. A. (2010). The concept. *The Big Russian Encyclopedia 2004–2007*, 15, 173–174. (In Russian).

Podvysotsky, A. I. (1885). *Dictionary of the regional Archangelsk dialect in its domestic and ethnographic*

Филин, Ф. П. (сост.). (1965). *Словарь русских народных говоров: в 52 вып. Вып. 1: А*. Москва, Ленинград: Наука.

Сурков, А. А. (1964). *Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 2: Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани*. Москва: Советская энциклопедия.

Философов, Д. В. (1904). Рецензия на кн.: Федор Сологуб. Собрание стихов. Кн. 3 и 4. 1897–1903. Москва: Скорпион. *Новый путь*, 2, 210–215.

Хайдеггер, М. (2013а). *Основные понятия метафизики: мир – конечность – одиночество*: перевод с немецкого. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Хайдеггер, М. (2013б). *Бытие и Время*: перевод с немецкого. Москва: Академический проект.

Шопенгауэр, А. (1881). *Мир как воля и представление*: перевод с немецкого. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича.

application. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (In Russian).

Schopenhauer, A. (1881). *The world as will and representation*. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publ. (In Russian).

Sergeeva, E. V. (2006). Concept-universality and artistic concept: the problem of classification. *Siberian Journal of Philology*, 1–2, 63–69. (In Russian).

Surkov, A. A. (1964). *Concise literary encyclopedia: in 9 vols. Vol. 2: Gavriilyuk – Zulfigar Shirvani*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russian).

Vezhbitskaya, A. (1999). *Semantic universals and description of languages* (Trans.). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russian).

Vorovsky, V. V. (1956). *Literary-critical articles*. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russian).

Zinovieva, E. I., & Yurkov, E. E. (2006). *Cultural linguistics*. St. Petersburg: Osipov Publ. (In Russian).

Источники

Сологуб, Ф. (2012). *Полное собрание стихотворений и поэм. Т. 1–3*. Санкт-Петербург: Наука.

Sources

Sologub, F. (2012). *The Complete collection of verses and poems. Vol. 1–3*. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Сергеева, Е. В., & Спиричева, П. Н. (2025). Художественно-философский концепт «Тоска» в поэзии Ф. Сологуба. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(15), 66–76. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1\(15\)-66-76](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1(15)-66-76)

For citation:

Sergeeva, E. V., & Spiricheva, P. N. (2025). Artistic and philosophical concept “Toska” in F. Sologub's poetry. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(15), 66–76. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1\(15\)-66-76](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1(15)-66-76) (In Russian).